

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

**Столица цинского Китая Пекин
в русской картографии XIX в.
(труды Н.Я. Бичурина и М.В. Ладыженского)**

Интерес российских учёных к картографии цинского Китая обозначился довольно рано – по мере установления договорных отношений между двумя соседними государствами, особенно после заключения Кяхтинского трактата 1727 г., предоставившего России право присылать в Пекин молодых людей для изучения восточных языков (китайского, маньчжурского и монгольского, а позднее и тибетского) при Российской духовной миссии, возникшей с приездом в 1715 г. (по другим сведениям в 1716 г.) священников-россиян для поддержания православия среди пленных албазинцев, причисленных к составу столичных маньчжурских войск. Примечательно, что уже в 1738 г. член Пекинской духовной миссии Ларион Россохин за привезённую из Пекина (и им переведённую) карту Цинской империи в соответствии с указом российской императрицы был удостоен чина прапорщика. Как сообщает Россохин, «в 1738 г. по указу Ея императорского Величества из [её] Кабинета за сыскание мною, в бытность мою в Китае, географической ландкарты всего китайского государства и подписанием оной российским языком [переводом] пожалован в прапорщика»¹.

Интересен для нашего сюжета и отчёт члена Пекинской духовной миссии Антона Владыкина от 1 мая 1796 г. об итогах своего пребывания в цинском Китае, привезённых им в С.-Петербург книги и карты. В другом аналогичном, но более раннем и конкретном отчёте от 12 ноября 1795 г. он сообщал о доставке сюда коллекции китайских и маньчжурских книг, а также карты Цинской империи и портрета китайского мудреца Конфуция, что видно из приводимого ниже архивного документа:

© Хохлов А.Н., 2014

«Книги, имеющиеся у меня, суть сочинения учёных китайцев, среди коих немалое число сочинений и переводов маньчжурских [с китайского языка], которые разделяются на учебные, нравственные, исторические, политические и философские. Имею из сих книг некоторую часть на отечественный [русский] язык [мною] переведённую, но [так] как они ещё требуют внимательного рассмотрения, сличения и переписки, то сии мои труды потщусь [постараюсь] по истечении [определённого] времени представить нашим любителям [китайской словесности].

Сыновья любовь к дражайшему отечеству и усердие были мне побуждением достать карту всего китайского государства и план Пекина, а любопытство снискало мне случай получить из [одного] важного места портрет китайского философа [Конфуция], рисованный на [глянцевой] бумаге»².

Среди 12 книг, опубликованных выдающимся китаеведом Н.Я. Бичуриным (1777–1853), более известным современникам под монашеским именем Иакинф, важное место занимает его труд «Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.». В основе этого труда лежит его перевод китайского сочинения *Чэнь-юань чжи-люэ*, изданного в 1788 г.

О подготовке карты китайской столицы до её издания кратко сказано в нижеследующем предисловии переводчика:

«Без сомнения, приятно будет каждому видеть картину китайской столицы, столь известной по слухам и описаниям путешественников. Сия мысль во всё время моего пребывания в Пекине делала меня внимательным ко всем, особенно примечательным предметам сей столицы. Та же мысль была для меня побуждением составить [её] план...

Занимавшийся снятием местоположения [столицы] целый год употребил на то, чтобы доставить сему плану совершенную полноту и точность. Надлежало исходить [все] до единой улицы и переулка, дабы по самоличному обозрению положить всё ... на бумагу в дробных частях и составить потом целое...

Если бы на моём небольшом плане представить всё, что описано в подлиннике, то зритель скорее бы утомился при пестроте, чем отличил в них достопримечательные места, которым преимущественно дано место в плане»³.

К изданию плана столицы Цинской империи российскому учёному довелось приступить лишь после возвращения в С.-Петербург, где его за разные миссионерские проступки (в том числе вынужденную продажу церковных вещей) лишили сана архимандрита и отправили простым монахом на Валаам на вечное поселение. Лишь через три года и два месяца благодаря ходатайству влиятельных лиц

ему было разрешено переехать в С.-Петербург и поселиться в Александро-Невской лавре. В соответствии с решением царя его по докладу министра иностранных дел К.В. Нессельроде причислили к Азиатскому департаменту МИД для перевода официальных бумаг, поступавших в С.-Петербург из цинской столицы⁴.

В апреле 1829 г. К.В. Нессельроде, в ведомстве которого служил известный «хинезист», представил царю Николаю I план Пекина, изданный «трудами и иждивением Иакинфа». Ознакомившись лично с книгой о Китае, министр просвещения Новосильцов предложил учебным заведениям приобретать указанное сочинение, при этом он обосновывал своё предложение тем, что *«оно [это сочинение] достопримечательно основательностью сведений о столице Китая, особенно же её планом, подробным и точным, каковой по всей справедливости можно почесть единственным в своём роде явлением на поприще европейской учёности»*⁵.

Примечательно, что упомянутый труд Иакинфа был высоко оценен тогдашними китаеводами, хотя и с большим опозданием. Так, служивший в 70-е гг. XIX в. российским консулом в Тяньцзине К.А. Скачков, указывая на сокращение переводчиком текста оригинала – «китайского описания прошедшего века», тем не менее отмечал: «Описание [изложено] точно и подробно. Замечательно, что, несмотря на давность [источника] почти в столетие, план Пекина схож с настоящим расположением китайской столицы, хотя многие здания мы видим нынче в развалинах»⁶.

С учётом рекомендации министра просвещения относительно желательности приобретения российскими учебными заведениями «Описания Пекина», Иакинф поспешил снабдить отсылаемые из С.-Петербурга экземпляры необходимыми исправлениями (преимущественно опечаток) и дополнениями, которые можно легко обнаружить на этих экземплярах, осевших в библиотеках различных городов России, особенно университетов, музеев и общественных организаций (типа РГО и других обществ). В качестве примера дополнений приведём новый текст о том, что «Пекин, исключая предместий, содержит в окружности 58 *ли* или 31 версту 222 сажени». Это дополнение, внесённое Н.Я. Бичуриным лично (коричневыми чернилами) либо его помощником-переписчиком, можно встретить среди его книг не только в С.-Петербурге, Москве, Минске, Казани, Н. Новгороде, но и в городах Сибири (Красноярск, Минусинск, Иркутск), Средней Азии и Дальнего Востока. В Казани, в библиотеке имени Н.И. Лобачевского, и Кяхте, в краеведческом музее (на границе с Монголией), можно обнаружить экземпляры книг с личными исправлениями и дополнениями Н.Я. Бичурина, подаренных им в виде комплектов – коллекций, состоящих из его опубликованных работ.

Столь же широкой географией распространения в России отличался план Пекина, помещённый Бичуриным в свою книгу. Его экземпляры можно найти во многих общественных и личных библиотеках, в том числе известных людей тогдашней России, например, князя В.Ф. Одоевского.

Составленный Иакинфом план китайской столицы можно отыскать и в различных российских архивах. Так, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде «Планы и фото» находится план Иакинфа, полученный этим архивом в 1959 г. из Тобольска, где до 1917 г. функционировала гимназия, которой нужна была эта карта для уроков по географии⁷.

Немало планов Пекина, изданных в 1829 г. Иакинфом на французском языке⁸, также можно обнаружить в разных архивохранилищах⁹.

Краткие библиографические сведения о плане Иакинфа можно встретить и в зарубежных изданиях, как, например, в известном справочнике по Китаю «Библиотека синика», изданном французским синологом Анри Кордые.

Знакомство с автографами Иакинфа на подаренных им книгах позволяет полнее представить не только круг его знакомств, но и характер его научных интересов, особенно в области географии Китая, о чём свидетельствуют не только изданные им книги, но и рецензии, не ставшие пока предметом специального исследования¹⁰.

В феврале 1830 г. в связи с истечением 10-летнего срока пребывания в китайской столице находившегося там старого состава Пекинской духовной миссии для замены его новым Азиатский департамент приступил к формированию новой группы миссионеров для отправки в Пекин, при этом для сопровождения её назначил в качестве пристава подполковника М.В. Ладъженского, участника боевых действий против турецких войск на Балканах¹¹. В дальнейшем путешествие решил также отправиться его денщик-болгарин Христофор Буюклу, бежавший из турецкого плена¹².

Обязанности писаря при Ладъженском принял на себя начинающий монголист поляк Осип Михайлович Ковалевский, активно работавший тогда над составлением грамматики монгольского языка в Казанском университете¹³.

О нелёгком путешествии нового состава Пекинской духовной миссии позволяют судить дорожные сообщения, посылаемые в Петербург М.В. Ладъженским, приводимые ниже в кратком виде.

Об обстоятельствах трудного и тяжёлого переезда из С.-Петербурга в Кяхту (на границу с Монголией) с новым составом миссионеров и учеников для Пекинской духовной миссии М.В. Ладъженский регулярно при первой возможности информировал Азиатский Департамент МИД. Так, 1 марта 1830 г. он писал из Москвы:

«В продолжение недели моего здесь пребывания все пособия... медицины были испробованы, однако ж совершенного облегчения я не почувствовал... По совету одного из лучших здешних медиков Высоцкого я начал употреблять [при лечении] ванны, не оставляя приёмы во внутрь лекарств»¹⁴.

О последующем лечении и наступившем некотором улучшении здоровья для продолжения пути он 9 апреля сообщил в С.-Петербург:

«По случаю сильных припадков геморроидальной болезни, открывшейся по приезде моём в Москву я был принужден остановиться в сей столице... Болезнь, таившаяся во мне в течение слишком 1,5 года, проведённых в Турции, сначала была весьма упорна, но... в продолжение [последних] пяти недель уступила средствам, против оной употреблённым. 27 марта я выехал из Москвы и по чрезвычайно испортившемуся пути с трудом едва к исходу четвёртых суток прибыл в Н. Новгород, делая в час 4, а иногда и менее верст...

По совету гражданского губернатора и многих торговых людей, совершавших не раз подобные поездки, я решил приостановиться в Н. Новгороде на время – до установления лучшего пути, т.е. до половины апреля. К сему побудило меня и то, что здоровье моё, хотя и поправилось, но ещё не совершенно восстановилось»¹⁵.

В сообщении от 28 июня, отправленном в Азиатский департамент по прибытии в Иркутск, М.В. Ладыженский, упомянув о тяготах пройденного пути, рассказал о первых распоряжениях по делам миссии:

«По слабости моего здоровья я вынужден был провести больше времени в Казани и Тобольске, [чтобы] довольно медленно [всё же] продолжать путь до Иркутска. По распоряжению здешнего генерал-губернатора монахи вместе со студентом [Е.И.] Сычевским уже отправлены в Кяхту, прочие же члены миссии остаются в Иркутске до первых чисел июля месяца...

Г-н [П.Е.] Кириллов своими обширными познаниями, неутомимым и чрезвычайно счастливым врачеванием больных принёс истинную пользу городу и приобрёл известность среди всех благодарных жителей [Иркутска]»¹⁶.

Егор Фус и Александр Бунге, сотрудники Академии Наук, из-за трудностей с преодолением Байкала и разлива Селенги прибыли в Кяхту только вечером 26 августа, когда все остальные члены миссии уже находились здесь.

Накануне отъезда новой духовной миссии из Кяхты в Монголию, через которую лежал путь в Пекин, в Троицкосавском соборе утром состоялся молебен при участии местного священника Аэтия, которому довелось в пятый раз провожать за границу новых членов Пекинской

духовной миссии. По просьбе Ладыженского он окропил святой водой и конвой миссии из казаков, сопровождавший её обоз до китайской столицы. На молебне присутствовал известный в научных кругах Петербурга барон П.Л. Шиллинг, приехавший сюда по поручению правительства для изучения кяхтинского торгового дела и приобретения наиболее ценных и редких книг на монгольском языке. Как писал Ладыженский в С.-Петербурге (в Азиатский департамент) о торжественных проводах россиян за границу в Кяхте, «сам барон Шиллинг был принуждён от полноты чувств оставить церковь»¹⁷.

Прощальный обед в честь отъезда новой православной миссии продолжался с 1 часа до 3-х часов в доме купца И.И. Котельникова, после чего жители Кяхты тепло проводили своих недавних гостей в трудное путешествие по монгольским степям в далёкий Китай.

После посещения Урги и последующего продвижения с миссией по территории Халхи М.В. Ладыженский 12 октября 1830 г., воспользовавшись ночлегом при урочище Эрги, отправил в Азиатский департамент очередное сообщение:

«Простившись с переводчиком титулярным советником [Андреем] Фроловым 20-го числа прошедшего месяца на первой станции от Урги, миссия благополучно продолжала следовать до сего места, последнего ночлега в халхаском ведомстве, состоящего под управлением ургинских правителей. От Урги до кочевий сунитов мы дошли в 21 день, пройдя 18 станций и сделав 3 днёвки, т.е. проехали 444 версты и 63 сажени...

От Урги нас везут тою же дорогой, коей следовала духовная миссия в 1820 г. в направлении китайской столицы и [попадавшиеся навстречу] станции располагались на тех же местах [указанных Е.Ф. Тимковским]. За два перехода от Удэ при кумирнях Абургаим сумэ мы выдержали сильную бурю, продолжавшуюся около 8 часов, впрочем, не имевшую для миссии никаких худых последствий. Кумирни сии, о коих [Егор] Тимковский упоминает [в своей книге] с похвалою, ныне разрушились до основания от сильного землетрясения месяца с два тому назад»¹⁸.

После приёма от старых членов Пекинской духовной миссии имущества вновь прибывшими 18 ноября 1830 г. в китайскую столицу, М.В. Ладыженский активно включился в исполнение своих обязанностей, предусмотренных полученной им в С.-Петербурге инструкцией. Это видно, например, по приводимому ниже его письму от 13 апреля 1831 г. на имя иркутского генерал-губернатора А.С. Лавинского:

«Вверенная мне команда ведёт себя отлично и всякий [её член] по мере сил и способностей мною употреблён к делу: офицеры под моим надзором чертят и снимают планы, а урядники неумоимо пишут.

Казаки [в столице] также не без дела. Живущие на Цаган-балгасу со скотом заняты по данному от меня наставлению собиранием растений, насекомых и т.п.»¹⁹

Многообразие предписанных инструкцией конкретных дел лишало Ладыженского свободного времени для ознакомления не только со столицей и её пригородами, но и с морским портом Тяньцзинем. Об этом свидетельствует приводимый ниже пассаж из его сообщения от 12 сентября в Азиатский департамент:

*«Занятий у меня теперь столько, что я не знаю за что приняться. Дневник мой, состоящий не из одной сотни листов, надлежит приведению его в порядок. Сверх сего два пути от Кяхты до Пекина и обратно составляют около ста маршрутных листов. Съёмки в окрестностях Пекина, водного пути и дороги в Тяньцзинь – все сии планы сделаны вчерне, а некоторые даже и в карандаше, ибо в Пекине я не имел ни одной свободной минуты»*²⁰.

Во время пребывания в Пекине М.В. Ладыженский побывал на казённой шёлковой фабрике (18 апреля 1831 г.), присутствовал на смотре китайских войск зелёного знамени [люй-ин] (24 апреля). Ранее он посетил «Медицинский приказ» (5 февраля), а затем наблюдал за движениями маньчжурских войск [ба-ци] (во время смотра 21 марта). Будучи свидетелем совместных манёвров маньчжурских и китайских войск, обычно устраиваемых ежегодно в начале весны, российский офицер в своём донесении откровенно рассказал, какое неблагоприятное впечатление произвели на него эти «театральные [по сравнению с европейскими манёврами] представления».

Для сбора сведений о китайской торговле Ладыженский отправил члена старой миссии А.И. Сосницкого на ярмарку в Маочжоу, где среди европейских товаров последнему удалось найти российский ситец с печатью фабрики Рыбникова в Москве²¹.

Чтобы больше собрать сведений о Китае, Ладыженский добился путём переговоров с китайскими чиновниками переноса срока своего выезда из Пекина. О возвращении в Кяхту со старым составом Пекинской православной миссии он 5 сентября сообщил в Азиатский департамент из Троицесавска:

«Прежняя духовная миссия после 10-летнего отсутствия [в России] 3-го сентября благополучно вступила в пределы своего отечества.

Как почтенный старец – начальник миссии [архимандрит Пётр, в миру П.И. Каменский (1765–1845)], так и члены оной, равно чины и [казаки] команды, в моём ведении состоящей, были приняты соотечественниками с трогательным радушием... миссия оставила Пекин 6-го июля и менее, нежели в два месяца достигла нашей границы»²².

Пока в Кяхте дожидались прибытия из Иркутска чертёжников Главного Управления Сибири – губернского секретаря Ивана Гальяменского и мл. чертёжника Филиппа Березовского, «командированных для заграничных занятий» в помощь М.В. Ладьженскому, у последнего (получившего при отъезде из китайской столицы от начальника новой духовной миссии старшего священника Вениамина Морачевича его черновой перевод из книги *Ба-ци тун-чжи* «Описание восьми знамён» на маньчжурском языке о взятии Албазина цинскими войсками) родилась мысль съездить на Амур. Эту идею давно вынашивал и поддерживал А.С. Лавинский (генерал-губернатор Восточной Сибири). 12 декабря 1831 г. он обратился к директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину с нижеследующим сообщением:

«По отзывам членов возвратившейся [из Пекина] миссии должно полагать, что об Амуре имеет некоторые определённые сведения... Ладьженский. У него, по-видимому, даже есть географическо-статистическое описание той части [цинского] Китая, через которую река сия протекает»²³.

Уже 29 марта 1832 г. А.С. Лавинский прислал из Иркутска письмо на имя М.В. Ладьженского, где говорилось:

«Что касается до намерения Вашего посетить Нерчинский край и внимательным Вашим оком взглянуть на Амур, то я не только весьма одобряю сию мысль, но и прошу Вас привести оную в исполнение... требуемое же предписание, [необходимое] местным властям Нерчинского края и охране пограничной линии, у сего препровождаю»²⁴.

Удачно сплавив в июле по Амuru до Албазина и посетив г. Нерчинк с его главным железоплавильным заводом, а также некоторые рудники, Ладьженский, следуя по маршруту Верхнеудинск – Селенгинск и Петровский завод (где работали декабристы), возвратился в Кяхту.

По возвращении из заграничной командировки в Кяхту, Ладьженский в донесении от 29 марта 1832 г. в Азиатский департамент сообщал:

«План окрестностей Пекина... сделан со всею аккуратностью и верною... Всё, на нём находящееся, перенесено с маленьких книжечек, с коими я ездил около Пекина»²⁵.

Ранее, в марте же 1832 г., Ладьженский отправил А.С. Лавинскому часть собранных в Пекине материалов, на что последний, внимательно ознакомившись с содержимым посылки, 29 марта 1832 г. направил ответное письмо её отправителю, приводимое ниже:

«Препровождённый ко мне Вами при представлении от 22 марта № 192 план окрестностей Пекина с примечаниями и прочие планы, описания, тетради, картины и портреты, получил я в совершенной

исправности и, рассмотрев оные с большим удовольствием и любопытством, одоляюсь изъявить Вам, милостивый государь, со всею искренностью нельстивое мнение моё, что *полезнейшими успехами поездки Вашей в Китай Вы решительно превзошли всех своих предшественников*.

С будущей почтою я не премину отправить сии планы и проч. в Азиатский департамент, уложив оные со всею тщательностью по Вашему предположению»²⁶.

Отправив в Москву китайские книги, приобретённые в Пекине членом миссии Даниилом Сивилловым, Ладыженский направился из Кяхты вдоль границы на запад, и после посещения Харацайской и Тункинской станиц выехал на так наз. кругоморскую дорогу, огибающую Байкал.

Пробыв в Забайкальском крае 9 месяцев, он после краткой остановки в Иркутске отправился в С.-Петербург, о чём А.С. Лавинский 21 октября 1832 г. сообщил К.К. Родофиникину:

«Ладыженский, совершив в июле и августе месяцах предположенную им поездку на Амур и к Албазину и возвратясь на некоторое время в Кяхту, прибыл оттуда на сих днях в Иркутск и, проведя здесь одну неделю, отправился 13 сего октября в дальнейший путь к С.-Петербургу»²⁷.

О последующем путешествии по Сибири он 1 ноября сообщил в Азиатский департамент из Томска:

«13 истекшего октября я оставил г. Иркутск и около восьми дней, как нетерпеливо ожидаю в Томске возможности перебраться на противоположный берег рек Томи и Оби. Первая уже покрыта льдом, но ещё весьма ненадёжным»²⁸.

Как видно из письма М.В. Ладыженского, он по приезде в С.-Петербург не сразу смог отчитаться о командировке в Пекин, чему, по его словам, помешала длительная болезнь и многообразные занятия при имп. Военной Академии (с 1 декабря 1833 г.). Представив в Азиатский департамент сначала первую часть своего отчёта, он только в апреле 1834 г. смог закончить вторую часть»²⁹.

В первых трёх пунктах (из 18) первой части отчёта автор указал:

«1) План окрестностей Пекина на одном листе, вычерченный набело – на собственное моё иждивение. Работа сия продолжалась в течение одного года.

2) Планы фасадов и профилей зданий наших церквей и католического [португальского] монастыря в Пекине, вычерченных набело на одном листе.

Сии два номера заключаются в одной папке с надписью: „План окрестностей Пекина“.

3) Книжка в переплёте, содержащая в себе пространные замечания и исторические пояснения всех предметов, находящихся на упомянутых двух листах...

17) Записки (в 12 тетрадях), содержащие статистические сведения о китайской империи. Они составят отдельный том, который я думаю присоединить к описанию моего путешествия в Китай. Записки сии перечитываются мною с одним из известных литераторов, исправляются в отношении слога и дополняются. Здесь же я осмеливаюсь представить их вчерне единственно для просмотра в том самом виде, в каком они мною постепенно составлялись и обрабатывались³⁰.

18) Записки (в 15 тетрадях), в коих содержатся исторические известия о первоначальных сношениях наших с Китаем. О заключении трактата под Нерчинском [1689 г.], разграничении [земель] [по Кяхтинскому трактату] [1728 г.], постановке [пограничной] стражи и т.д.»³¹

Во второй части отчёта М.В. Ладъженского интересной представляется мысль автора относительно желательности издания трудов членов Пекинской духовной миссии. Вот как выглядит текстуально эта полезная для своего времени инициатива:

«По возвращении [бывших членов православной] миссии в отечество с огромными запасами переводов и собственных замечаний по всем частям [касающихся Китая], я полагаю было бы полезно по рассмотрении их трудов приступить от [имени] Азиатского департамента к изданию журнала под названием: „Записки миссионеров“. Журнал сей был бы принят [учёными] любознательной Европы как многоценный подарок. Сущность мнения сего, представленного здесь развёрнутым на благоусмотрение Азиатского департамента (единственно из желания [добиться] отечественной пользы) была сообщена мною начальнику нынешней Пекинской миссии [Вениамину Морачевичу], но поскольку главное основание моего предположения не согласовывалось с его собственным, то я решительно не знаю, воспользовался ли он хотя бы сколько-нибудь моею мыслью»³².

План столицы цинского Китая, подготовленный под руководством М.В. Ладъженского в Пекине, был издан в С.-Петербурге в 1848 г.

Не исключено, что пробный вариант упомянутого плана появился гораздо раньше, на что указывает письмо Даниила Сивиллова, отправленное из Москвы в Казань Н.И. Лобачевскому:

«План Пекина, гравированный в С.-Петербурге и уложенный в коробку, доставит в библиотеку Казанского университета [его выпускник] Франц Иванович Диттель»³³.

Среди участников топографических работ в китайской столице был прибывший туда с обозом миссии из Кяхты начальник казачьего

конвоя Семён Иванович Черепанов, опубликовавший после возвращения в Россию при содействии известного востоковеда О.И. Сенковского в его журнале «Библиотека для чтения» две статьи: «Путешествие сибирского казака в Пекин» (1854, февраль) и «Дневник русского, ведённый в Пекине с 18 ноября 1830 г. по 10 мая 1831 г.» (1856, № 3–4). О своём деятельном участии в подготовке плана Пекина он рассказал в 1876 г. в своих мемуарах следующее: «В Пекине... Ладыженский показал мне съёмку планов и фасадов зданий и карт. Я усердно занялся этим делом, снял оба наших монастыря и уцелевший – португальский. С письменной работой я уже был знаком и употреблялся не только на переписку донесений пристава [М.В. Ладыженского], но и на исправление их. Он мечтал о печатании их, но Азиатский департамент отвечал [ему] только, что „прочтено с должным вниманием“, и это крайне огорчало полковника»³⁴.

Из мемуарной литературы об англо-франко-китайской войне 1856–60 гг. известно, что в период наступления англо-французских войск на Пекин в сентябре 1860 г. русский посланник Н.П. Игнатьев, следуя со своей свитой в арьергарде наступавших войск, передал англичанам план китайской столицы. Известно также, что этот факт по-разному интерпретируется советскими и зарубежными историками. Так, А.Л. Нарочницкий, сославшись на свидетельство английского офицера – участника войны, отмечает, что Игнатьев действительно передал план Пекина, но сделал это после того, как цинские войска потерпели полное поражение у моста Балицяо. Более подробно высказывался об этой проблеме П.И. Кабанов, автор книги «Амурский вопрос», вышедшей в Благовещенске в 1959 г.

Современные зарубежные авторы, особенно американские (М. Мэнколл, И. Сью и др.) пытаются истолковать эпизод с планом Пекина как доказательство того, что русский посланник действовал заодно с западными дипломатами и генералами.

Между тем материалы личного архива Н.П. Игнатьева, а также лиц, знавших его по Китаю, не дают оснований для подобных суждений. Как явствует из личных бумаг российского дипломата и особенно дневника И.Ф. Лихачёва, командира отряда русских военных судов, англичанам был дан не новый план Пекина, составленный топографом Шимковичем при русском дипломате, а старый, подготовленный в 1817 г. известным российским китаеведом Н.Я. Бичуриным (монахом Иакинфом), который опубликовал его в 1829 г. вместе с описанием китайской столицы. К моменту англо-франко-китайской войны этот план Пекина, изданный также на французском языке в 1829 г. в С.-Петербурге, был широко известен в Западной Европе. Об этом можно судить, например, по тому факту, что в 1853 г. он был помещён в книге французского сиолога Г. Потье о

современном Китае (изданной в серии *Universe pittoresque*), где её автор утверждал, что план китайской столицы был снят в 1817 г. русскими офицерами (а не Иакинфом Бичуриным).

Войдя в доверие к западным дипломатам (благодаря показанному им старому плану Пекина) и умело используя противоречия между ними, Игнатьеву отчасти удалось направить действия союзников по желаемому для него руслу, исключавшему возможность их нападения она Пекинскую духовную миссию. Благодаря посредничеству Н.П. Игнатьева, к которому обратились цинские сановники, Пекин был спасён от разграбления и опустошения англо-французскими войсками, которые после сожжения летней резиденции цинских императоров, Юаньминъюаня, готовились к штурму китайской столицы³⁵.

Действия Н.П. Игнатьева в Китае в 1859–60 гг. соответствовали мирной политике российского правительства, стремившегося ослабить нажим западных держав на цинский Китай. Убедившись в пользе посреднических услуг российского дипломата для преодоления вооружённого конфликта с западными державами, цинский двор в октябре 1860 г. подписал с ним договор о размежевании земель на Дальнем Востоке, благодаря чему Приамурье и Приморье окончательно вошли в состав Российской империи.

Таков далеко не полный, предварительный обзор рассматриваемой нами темы, нуждающейся в её дальнейшей разработке по материалам более позднего периода XIX в.

Примечания

¹ См.: *Рейхберг Г.О.* О неизвестной рукописи Рассохина. К истории китаеведения в России // Институт этнических и национальных культур народов Востока. Учёные записки. Том 2-й. М., 1930, с. 97.

² Цит. по: *Хохлов А.Н.* Китаист и маньчжурист А.Г. Владыкин – педагог и переводчик литературы средневекового Китая // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собрание трудов. М.: ИВ РАН, 2014, с. 406.

³ Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829, с. I, IV.

⁴ Подробнее см.: Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. К 200-летию со дня рождения. Материалы конференции. Часть 1. М.: Наука, 1977, с. 6.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 232, д. 10.

⁶ Российская Государственная Библиотека (РГБ) (М.), НИОР, ф. 273, картон 10, ед. хр. 9, л. 3, 10.

О плане Пекина, столице цинского Китая, высоко отзывался известный русский географ и путешественник М.И. Венюков, хотя и допускал ошибки в своей информации: «Лучший план Пекина есть тот, который был снят в 1820-х годах русскими топографами (речь идёт о плане китайской столицы, снятом в 1817 г. Иакинфом Бичуриным. – А.Х.). Этот план был художественно

воспроизведён в книге Гийома Потье, изданной в Париже в 1853 г. в серии *Univers pittoresque*. См.: РГБ, НИОР, картон 3, ед. хр. 55.

⁷ Аналогичным экземпляром обладает Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ), ф. 118, оп. 1, д. 1181.

⁸ Description de Pékin avec un plan de cette capitale. Ouvrage traduit du Chinois en Russe par le rev. P. Nyachinthe, traduit du Russe par Ferry de Pigny. St.-Petersboug, 1829.

⁹ Таким экземпляром обладает, например, Российский Государственный военно-исторический архив в Москве (РГВИА), ф. 447, ед. хр. 273.

¹⁰ *Монах Иакинф*. Замечания на четыре страницы «Учебной всеобщей географии» г-на Греча // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1838, № 46 (12 ноября 1838 г.). Литературные замечания, с. 913–917.

¹¹ Михаил Васильевич Ладъженский (1803–1875) был родом из дворян Смоленской губернии, уроженец Московской губернии. В возрасте 17 лет он получил чин прапорщика, а по окончании Московского училища колонновожатых в июле 1821 г. стал подпоручиком. В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в боях под Силистрией в мае 1829 г. вражеское ядро попало в его плечо. После серьёзной контузии он в звании подполковника в сентябре 1828 г. выехал из Варны в Россию. В феврале 1830 г. Азиатский департамент МИД поручил ему сопровождать в качестве пристава новый состав Российской духовной миссии в Пекине до китайской столицы, где ожидал своей смены её старый состав. Выдержки из дневника М.В. Ладъженского о пребывании в столице цинского Китая были опубликованы в 1907 г. (без указания фамилии автора) под названием «Дневник, ведённый в Пекине с 1 декабря 1830 г.» (См.: Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960, № 5244). Оригинал же этого любопытного произведения, излагающего события с 1 декабря по 14 апреля 1831 г., находится ныне в Архиве Института восточных рукописей РАН (СПб.).

Согласно архивным данным, М.В. Ладъженский в 40-х гг. выполнял обязанности Тобольского гражданского губернатора, а позднее в течение почти 20 лет служил в Оренбургской пограничной комиссии, ведавшей делами Казахстана и отчасти Средней Азии. Как писала газета «Сибирь» по поводу кончины М.В. Ладъженского в Петербурге 30 июня 1875 г., этот отставной генерал-лейтенант был «весьма образованный и благородный человек», оставивший по себе «частицу памяти» своим верным служением России.

¹² См.: *Хохлов А.Н.* Путешествие Христофора Буюклу в Пекин и на Амур в 1830–1832 гг. // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть 2. М., 1980, с. 212–227.

¹³ *Хохлов А.Н.* О.М. Ковалевский: поездка в Пекин в 1830 г. и его связи с российскими китаеведами // Наследие О.М. Ковалевского и современность. Казань, 2002, с. 108–129; *его же.* Монголист О.М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830–1831) и контакты с российскими китаеведами // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004, с. 148–172.

См. также: *Валеев Р.М., Кульганек И.В.* Россия – Монголия – Китай. Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. Казань – С.-Петербург: «Таглитат» ИЭУП, 2005–2006.

- ¹⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 7, л. 21.
- ¹⁵ Там же, л. 23.
- ¹⁶ Там же, л. 31.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, л. 65.
- ²⁰ Там же, папка 1, л. 325.
- ²¹ Там же, л. 312.
- ²² Там же, 1817–1840, оп. 4, д. 1, папка 1-а, л. 210.
- ²³ Там же. Главный архив I-9, 1828–32, д. 9, л. 12–13.
- ²⁴ Там же, Главный архив I-5, 1817–1840, оп. 4, д. 1, папка 5, л. 26.
- ²⁵ Там же, 1823, д. 1, папка 1, л. 367.
- ²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, оп. 4, д. 1, папка 5, л. 26.
- ²⁷ Там же, папка 1-а, л. 306.
- ²⁸ Там же, 1823, д. 1, папка 7, л. 112.
- ²⁹ Там же, 1817–1840, д. 1, папка 6, л. 177.
- ³⁰ Речь, по-видимому, идёт об анонимной рукописи под названием «Записки о Китае», датируемой по бумаге с водяным знаком 1832 г. (л. 115). Эта работа написана Ладыженским на основе личных впечатлений и сведений, полученных от китаистов – членов Пекинской духовной миссии. В рукописи отсутствуют 9-я и 10-я тетради. В тетради 12-й много карандашных исправлений – рукой Ладыженского. См.: АВПРИ, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 144, л. 1–252.
- ³¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, д. 1, папка 6, л. 198–200.
- ³² Там же, л. 187.
- ³³ Национальный архив Республики Татарстан, фонд Казанского университета, переписка Н.И. Лобачевского с фундаментальной библиотекой университета.
- ³⁴ *Черепанов С.* Отрывки из воспоминаний сибирского казака // *Древняя и новая Россия*, 1876, № 7, с. 262.
- Подробнее о сибирском журналисте и писателе С.И. Черепанове см.: *Хохлов А.Н.* С.И. Черепанов и китайская тема в его творчестве (К 175-летию со дня рождения) // *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы XII научной конференции (Москва, 1986 год)*. М., 1986, ч. II, с. 459–465; *его же.* Пекинский дневник Семёна Черепанова // «Восточная коллекция» (М.), № 2 (5), с. 80.
- В этой статье в качестве иллюстраций опубликованы фрагмент плана Пекина, снятого в 1817 г. Иакинфом Бичуриным (из библиотеки князя В.Ф. Одоевского) и литографированный «План столичного города Пекина с окрестностью» со съёмки полковника Ладыженского при Военно-топографическом депо. См.: с. 98; 86–87.
- ³⁵ *Хохлов А.Н.* Новые данные о деятельности Н.П. Игнатъева в Китае в 1859–1860 гг. // *Конференция молодых научных работников и аспирантов*. М., 1968, с. 30–31.